

ДЛЛ, II
III-50

О ЧУВСТВѢ ЗАКОННОСТИ.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ, ЧИТАННАЯ 10 МАРТА 1897 Г.

ПРОФЕССОРОМЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Ф. Шершеневичемъ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1897.

О ЧУВСТВѢ ЗАКОННОСТИ.

XXXI / 1
Ш 50

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ, ЧИТАННАЯ 10 МАРТА 1897 Г.

ПРОФЕССОРОМЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Ф. Шершеневичемъ.

Ф. Б.

77683 пр
5897
74

05
1999

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1897.

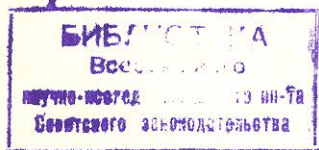
Проверено 1966

1957 г.

Т. Р

Печатано по опредѣленію юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета 28 ноября 1897 года.

Декавъ Г. Дормидонтовъ.

Милостивыя Государыни

и

Милостивые Государя!

Появленіе юриста передъ большою публикою, а не передъ спеціальною аудиторіею обязательныхъ слушателей, представляется въ Россіи дѣломъ довольно щекотливымъ для лектора. Русское общество относится съ полнымъ довѣріемъ и интересомъ къ естественнымъ наукамъ, юриспруденція же вызываетъ въ русскомъ человѣкѣ, не приученномъ къ широкой общественной дѣятельности, скорѣе сомнѣніе и даже иронію, нежели симпатію. Въ его представленіи она является сухой, суровой, формальной и лишенною той душевности, которая такъ свойственна русской натурѣ.

При такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ я всетаки беру на себя смѣлость попытаться убѣдить въ Васъ ошибочности этого, къ сожалѣнію, столь распространеннаго у насъ взгляда. Мнѣ хотѣлось бы выяснитъ всю важность законнаго порядка и съ точки зрѣнія общественнаго интереса затронуть нѣкоторые изъ наиболѣе прочно сложившихся у Васъ предубѣжденій и симпатій.

Прежде, чѣмъ говорить о законности, намъ необходимо условиться относительно того, что мы будемъ понимать подъ правомъ, котораго видомъ является законъ. Право есть норма, т. е. общее правило, опредѣляющее поведеніе человѣка въ отношеніи другихъ людей, составляющихъ съ нимъ вмѣстѣ политическое единство, государство. Однако эта задача выполняется не одними юридическими правилами, но и иными нормами, ближе всего нормами нравственности. Среди другихъ соціальныхъ нормъ, юридическія должны отличаться какимъ

либо видовымъ признакомъ, который былъ бы имъ только свойственъ и чуждъ другимъ нормамъ. Этотъ характерный признакъ заключается въ томъ, что за каждою юридическою нормою стоитъ принудительная власть государства. Не слѣдуетъ думать, чтобы государство могло заставить гражданина силою выполнить то именно, что составляетъ содержание установленныхъ закономъ нормъ. Если я не хочу исполнить договора, то нѣтъ силы въ мірѣ, которая могла бы меня принудить дѣйствовать вопреки моей волѣ. Поэтому законъ прибѣгаетъ къ психическому воздействию на волю гражданъ и старается возбудить мотивъ, который бы склонялъ къ поведенію, согласному съ видами законодателя, и преодолевъ мотивы, побуждающіе къ отступленію отъ поведенія, установленнаго законами. Такъ напр. у меня большое желаніе не заплатить кредитору долгъ, но ожидаемое отъ того удовольствіе исчезаетъ при мысли, что кредиторъ обратится въ судъ, докажетъ свое право, получитъ исполнительный листъ, явится ко мнѣ съ судебнымъ приставомъ и, если я буду продолжать упорствовать, отниметъ у меня цѣнность, которая превыситъ первоначальную сумму долга, потому что съ меня взыщутъ и судебныя издержки. Какой же мнѣ расчетъ не платить въ срокъ? Или напр. у меня большое желаніе положить руку на вѣранный мнѣ казенный сундукъ: сколько удовольствій я могу получить на взятые деньги. Но всѣ эти соблазнительныя картины замѣняются рядомъ другихъ: скамья подсудимыхъ, обвинительный приговоръ, ссылка въ Сибирь, лишеніе всѣхъ прежнихъ условій жизни, жалкое существованіе въ новомъ мѣстѣ жительства. Есть надъ чѣмъ призадуматься человѣку, котораго нравственныя соображенія не останавливаютъ передъ нарушеніемъ договора и чужой собственности!

Совокупность нормъ, сопровождаемыхъ подобною санкціей, составляетъ правовой или законный порядокъ, если принять въ соображеніе, что въ настоящее время законъ является господствующею формою права, тогда какъ обычаи играютъ совершенно второстепенную роль.

Цѣль законнаго порядка—обеспечить условія общезитія. Юридическія нормы имѣютъ своею задачею укрѣпить общественныя связи, отъ которыхъ зависитъ благополучіе отдѣльныхъ лицъ. Какъ бы ни были суровы законы, но одно то обстоятельство, что они устанавливаютъ правила поведенія,

вносятъ правильность во взаимныя отношенія людей—создаетъ большую обезпеченность въ жизни каждаго гражданина. Обезпеченность создается возможностью предусмотрѣть заранѣе образъ дѣйствій другихъ лицъ и согласовать съ нимъ свое собственное поведеніе.

Лица, въ рукахъ которыхъ находится законодательная власть, создавая нормы, всегда имѣютъ въ виду укрѣпить общественныя связи, обезпечить условія общежитія, руководствуясь при этомъ или высокими мотивами общаго блага или своими собственными интересами, неразрывно соединенными съ существованіемъ общества. Это вѣрно какъ относительно самой демократической республики, такъ и крайней деспотіи Востока. Буржуазная республика, въ которой верховная власть принадлежитъ богатымъ классамъ, стремится обезпечить за послѣдними спокойное пользованіе ихъ богатствомъ и съ этою цѣлью старается охранить законами твердый порядокъ отношеній. Восточный деспотъ, отлично сознавая, что его могущество зависитъ отъ силы подвластнаго ему государства, изыскиваетъ посредствомъ законовъ мѣры, которыя привязывали бы его подданныхъ къ данной общественной группѣ.

Такимъ образомъ цѣль юридическихъ нормъ всегда интересъ общества, устанавливаемое ими поведеніе имѣетъ въ виду полезность его для цѣлаго, съ которымъ неразрывно связаны интересы составляющихъ его единицъ. Другой вопросъ, насколько тѣ или другія изъ устанавливаемыхъ нормъ оказываются соотвѣтствующими такой цѣли, другими словами—насколько данный законъ цѣлесообразенъ. Это зависитъ отъ пониманія со стороны лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена законодательная власть, условій общежитія и средствъ, способныхъ обезпечить ихъ. Помимо нецѣлесообразности закона, предназначеннаго часто съ самаго начала, вопреки намѣренію его творцовъ, служить тормазомъ въ дѣлѣ достиженія поставленной цѣли, законъ можетъ обнаружить свою отсталость. Въ другое время, при другихъ условіяхъ онъ былъ хорошъ: теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, онъ, въ представленіи наиболѣе развитой части общества, можетъ показаться негоднымъ. Напр. условія феодальнаго быта вполне оправдывали установленіе такого наследственнаго порядка, при которомъ все поземельное имущество переходило всецѣло къ старшему сыну (такъ наз. майоратъ); но въ на-

стоящее время, когда самый маленький клочокъ земли доставляетъ собственнику такое же безопасное отъ внѣшнихъ посягательствъ пользованіе, какъ и громадныя помѣстья—майоратъ стоитъ въ противорѣчій съ представленіями общества. Бываютъ такіе историческіе моменты, когда разладъ между дѣйствующими законами и идеальными представленіями передовой части общества становится настолько рѣзкимъ, что доводитъ отдѣльныхъ лицъ до полного сомнѣнія въ необходимости законовъ. Не данные законы, а законы вообще кажутся бесполезными и вредными. Такъ во Франціи, въ XVIII вѣкѣ, высказывались взгляды, будто все общественное зло идетъ отъ законовъ, которые искусственнымъ путемъ стѣсняють и подавляютъ естественныя отношенія. Идеальнымъ представлялся бытъ дикарей, не знающихъ никакихъ законовъ. Однако, когда палъ феодальный строй, на развалинахъ его воздвигнуто было политическое зданіе въ новомъ стилѣ—и опять таки при помощи законовъ. И у насъ въ шестидесятыхъ годахъ высказывалось иногда сомнѣніе въ полезности законодательства, которое можетъ установить рабство многомилліонной массы. Но за отмѣною крѣпостнаго права появился рядъ законовъ, цѣль и характеръ которыхъ должны были подавить въ скептикахъ отрицательное отношеніе къ законодательству.

Указанное сомнѣніе въ цѣлесообразности вообще законовъ находить себѣ оправданіе только въ отчаяніи: оно подсказывается чувствомъ, но не разумомъ. Напротивъ, критическое отношеніе къ даннымъ законамъ—составляетъ неизбѣжное явленіе въ современныхъ обществахъ, которыя соединяють въ себѣ такое разнообразіе интересовъ, образованія, развитія, традицій. Нерѣдко одинъ и тотъ же законъ окажется отсталымъ по отношенію къ понятіямъ передовой части общества и въ то же время чрезмѣрно прогрессивнымъ по отношенію къ понятіямъ наиболее отсталой его части. Возьмемъ напр. наши законы, опредѣляющіе личныя отношенія между супругами. Я убѣжденъ, что съ точки зрѣнія большинства присутствующей здѣсь публики право мужа требовать при помощи судебного пристава жену къ совмѣстному жительству представляется анахронизмомъ. Но съ точки зрѣнія крестьянской массы такое право кажется вполне естественнымъ и она склонна даже идти дальше и считать подрывомъ семейныхъ связей запрещеніе мужу расправляться со своею

женою мѣрами домашней строгости. Такой разладъ между идеальными представленіями и дѣйствительностью — залогъ прогресса; его отсутствіе—это китаизмъ.

Нецѣлесообразность или отсталость тѣхъ или иныхъ законовъ еще не доказываетъ бесполезности законнаго порядка вообще, потому что только онъ обезпечиваетъ членамъ общества неприкосновенность ихъ личности и имущества, разграничиваетъ взаимные интересы и открываетъ возможность ихъ осуществленія. Нужно всегда помнить, что законы могутъ быть плохи, но безъ законнаго порядка будетъ еще хуже. Сама жизнь подтверждаетъ это положеніе лучше всякихъ теоретическихъ соображеній. Всякому памятно, конечно, со школьной скамьи, какой острый характеръ приняла въ Римѣ борьба между патриціями и плебеями, когда послѣдніе потребовали писанныхъ законовъ, какъ противились этому патриціи, отлично сознававшіе, что законный порядокъ положить предѣлъ ихъ произволу. То же самое мы видимъ въ Афинахъ. И здѣсь народъ въ VII в. до Р. Х. сталъ домогаться законовъ не въ смыслѣ реформъ, а съ цѣлью опредѣленія своихъ отношеній къ эвпатридамъ. Хотя написанные законы оказались такъ суровы, что названіе ихъ (драконовскіе) стало нарицательнымъ именемъ, но и они были шагомъ впередъ въ дѣлѣ обезпеченія условій общежитія, потому что безъ нихъ были возможны еще большія жестокости со стороны сильныхъ. Когда крестоносцы взяли Иерусалимъ, то одною изъ первыхъ заботъ основателей новаго государства было составленіе законодательнаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ *Assises de Jérusalem*. Въ „Исторіи эпохи открытій“ Пешеля читаемъ, что когда испанцы заняли въ 1498 году островъ Санъ-Доминго, они тотчасъ послали къ испанскому королю просьбу о присылкѣ ученаго судьи, который могъ бы составить необходимые имъ законы. Итакъ, гдѣ только создается общеніе, тамъ тотчасъ возникаетъ потребность въ законномъ порядкѣ.

Чѣмъ же поддерживается законный порядокъ, безусловная необходимость котораго сейчасъ обнаружилась передъ нами? Силою, сказали мы. Но этого еще мало. Сила воздѣйствуетъ, какъ было показано, психически. А если явится сомнѣніе въ государственной силѣ? И дѣйствительно бывають историческіе моменты, благопріятствующіе такому сомнѣнію. А если явится болѣе или менѣе основательная надежда избѣ-

нуть тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыми законъ угрожаетъ? Страхъ, одинъ, самъ по себѣ, недостаточное обезпеченіе соблюденія законнаго порядка. На помощь ему, но не на смѣну, является другое чувство, чувство законности, которое постепенно вырабатывается изъ перваго. Если Вы заставляете Вашего ребенка мыть руки передъ обѣдомъ, угрожая ему въ случаѣ неповиновенія лишеніемъ пирожнаго, то первоначально страхъ остаться безъ сладкаго заставляетъ его подчиняться непріятному и скучному правилу мыть руки. Но поведеніе, долго соблюдаемое подъ угрозою невыгодныхъ послѣдствій, входитъ въ привычку человѣка, становится его второю натурою и уже соблюдается безотносительно къ мысли объ угрозѣ. Это имѣетъ строго психологическое основаніе: въ сознательной дѣятельности ума могутъ попадаться бессознательные акты. „Положеніе, которое мы усвоили посредствомъ доказательства, продолжаетъ жить въ нашемъ сознаніи послѣ того, какъ доказательство уже забыто“. Все воспитаніе основывается на томъ, чтобы промежуточные члены мыслительной дѣятельности могли спуститься подъ „порогъ сознанія“¹⁾.

Послѣдній примѣръ даетъ мнѣ возможность опредѣлить чувство законности, которое составляетъ предметъ нашей бесѣды. *Чувствомъ законности называется побужденіе соблюдать установленные законы, т. е. общія правила поведенія, не сообразуясь съ конкретными условіями ихъ примѣненія.* Человѣкъ соблюдаетъ законы, не смотря на то, что у него имѣются побужденія, благородныя или низкія, поступать несогласно съ нормальнымъ поведеніемъ. При этомъ онъ поступаетъ согласно съ закономъ не потому, что опасается невыгодныхъ послѣдствій, которыми угрожаетъ ему законъ за уклоненіе, а въ силу усвоенной имъ привычки слѣдовать законнымъ предписаніямъ. Чувство законности—это не только согласное съ закономъ поведеніе, это неудержимое, можетъ быть, бессознательное стремленіе поступать согласно съ закономъ, это потребность соблюденія закона. Возможность уклоненія отъ привычнаго соблюденія предупреждается чисто психическимъ средствомъ—тѣмъ непріятнымъ ощущеніемъ, которое испытываетъ человѣкъ при нарушеніи вообще привычнаго поведенія. Я привыкъ ежедневно утромъ выпивать стаканъ

¹⁾ *Гейфдингъ*, Очерки психологіи, основанной на опытѣ, 1892, стр. 84.

чаю: сытъ я отъ него не буду, да и вообще пользы для меня отъ этого мало. Но, если по какимъ либо причинамъ я останусь безъ чаю, то я буду чувствовать себя какъ самъ не свой, можетъ быть весь день будетъ для меня испорченъ. Извѣстно, какія тяжелыя психическія и даже фізіологическія послѣдствія влечетъ за собою прекращеніе куренія для человѣка, усвоившаго себѣ эту бесполезную, а можетъ быть и вредную для его организма, привычку. Если Вы привыкли къ чистотѣ, то продолжительное путешествіе, которое по своимъ особенностямъ, не даетъ возможности соблюсти опрятность, способно, по одной этой причинѣ, отравить Вамъ не мало часовъ и дней. Человѣкъ, привыкшій всегда говорить правду, испытываетъ все то же непріятное ощущеніе, когда случайность заставляетъ его сказать ложь, хотя бы самаго невиннаго свойства. Поднимаясь такимъ путемъ отъ самыхъ мелкихъ привычекъ до такихъ, которыя имѣютъ большое значеніе для окружающей среды, мы дойдемъ до угрызеній совѣсти, представляющихъ собою ничто иное, какъ непріятное душевное состояніе, вызываемое отступленіемъ отъ тѣхъ нормъ положительной морали, которыя усвоены человѣкомъ. Къ тому же разряду психическихъ состояній относится и чувство законности, которое только тѣмъ отличается отъ чувства совѣсти, что относится къ нормамъ положительнаго права, а не къ нормамъ положительной морали.

Слѣдуетъ ли считать это чувство законности врожденнымъ или усвоеннымъ? Едва ли кто будетъ утверждать, конечно, что чувство это свойственно каждому человѣку, на какой бы ступени развитія онъ не стоялъ, какъ нынѣшнему европейцу, такъ и его предку въ образѣ древняго германца или славянина, какъ цивилизованному человѣку, такъ и вольному сыну пустыни. О врожденности чувства законности, какъ и вообще чувствъ, основанныхъ на привычкѣ, можно говорить лишь въ томъ смыслѣ, что нѣкоторые субъекты, усвоившіе себѣ привычку соблюдать законы путемъ постоянного подчиненія имъ противоположныхъ побужденій, передаютъ по наслѣдству своимъ потомкамъ склонность къ соблюденію законовъ во что бы то ни стало. Возможность наслѣдственной передачи чувства законности едва ли будетъ оспариваема. Что же такое домашнія животныя, какъ не такія животныя, которыя, утративъ свои прежнія наклонности, приобрѣли, ря-

домъ поколѣній, привычку подчиняться повелѣніямъ человека? Чѣмъ иначе объяснить, что чувство законности бываетъ особенно развитымъ у одной націи и весьма мало у другихъ? Это чувство создается и утрачивается не въ одно поколѣніе, а въ теченіе значительнаго періода времени, когда тѣ же причины продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же благопріятномъ или неблагопріятномъ направленіи.

Такимъ образомъ, не отрицая врожденности чувства законности, но сводя его на наслѣдственность, мы должны признать ее не первичнымъ явленіемъ, а производнымъ. Какія же условія благопріятствуютъ развитію чувства законности.

Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ можетъ быть предложенъ другой вопросъ: какимъ путемъ пріобрѣтаетъ ребенокъ хорошія привычки, наклонности, манеры, принципы? Отвѣтъ можно предвидѣть: скажутъ, что это вліяніе домашней среды, что ребенокъ, видѣвшій хорошіе примѣры со стороны родителей и близкихъ знакомыхъ, видѣвшій неукоснительное исполненіе всѣхъ домашнихъ правилъ, будетъ совершенно инымъ, чѣмъ тотъ, который привыкъ видѣть полнѣйшій беспорядокъ въ образѣ жизни, самодурство главы дома, невыдержанность домашняго режима. Совершенно тотъ же отвѣтъ можетъ быть данъ и на первый вопросъ.

Чувство законности стоитъ въ прямой зависимости отъ общественной среды. Человекъ, получившій воспитаніе и образованіе въ обществѣ, въ которомъ онъ видитъ постоянное и послѣдовательное примѣненіе законовъ, уваженіе къ нимъ какъ со стороны имѣющихъ власть, такъ и со стороны подчиненныхъ имъ, самъ проникается сознаніемъ важности законнаго поведенія и усваиваетъ себѣ привычку какъ самъ соблюдать установленный законъ, такъ и отъ другихъ требовать неуклоннаго соблюденія во всѣхъ случаяхъ, на которые рассчитана та или иная норма. Если же человекъ живетъ въ такой средѣ, гдѣ одно лицо соблюдаетъ законъ, а другое смѣется надъ нимъ, когда соблюденіе ему не выгодно, гдѣ сегодня издается законъ, чтобы завтра о немъ уже забыли—тамъ не можетъ развиться привычка поступать постоянно въ согласіи съ закономъ, а слѣдовательно нѣтъ почвы для развитія чувства законности. Принципъ законности въ управленіи играетъ громадную, хотя и не исключительную, роль въ дѣлѣ воспитанія гражданъ въ чувствѣ законности. Вотъ почему одинъ изъ основныхъ законовъ

нашихъ гласить, что Россійская Имперія управляется на твердомъ основаніи законовъ, вотъ для чего существуетъ особое высшее правительственное учрежденіе, призванное наблюдать за законностью управленія (я говорю о Сенатѣ), вотъ съ какою цѣлью подробно указанъ у насъ порядокъ обжалованія незаконныхъ распоряженій администраціи и судебныхъ рѣшеній.

Однако законность зависитъ не отъ одного только указанія въ кодексѣ или сводѣ на принципъ законности и не отъ одного лишь соблюденія его въ дѣйствительности со стороны администраціи, но и отъ того, въ какой мѣрѣ проникла въ сознаніе гражданъ необходимость поступать всегда согласно съ требованіями закона, т. е. отъ степени развитія въ обществѣ чувства законности. Гдѣ это чувство развито, тамъ трудны нарушенія принципа законности управленія и наоборотъ, гдѣ оно неразвито, тамъ никакія законныя гарантіи не обезпечиваютъ населенію законности управленія. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ проявленіяхъ общественной жизни, замѣчается взаимодѣйствіе между причиною и слѣдствіемъ, т. е. слѣдствіе становится причиною, а причина слѣдствіемъ. Законность управленія развиваетъ чувство законности въ гражданахъ, а чувство законности укрѣпляетъ законность управленія.

Помимо благопріятной среды, чувство законности требуетъ, для своего развитія, еще знакомства гражданъ съ дѣйствующимъ въ ихъ государствѣ правомъ. Трудно ожидать соблюденія законовъ по привычкѣ и уваженія къ нимъ, когда человѣкъ не знакомъ съ основными правилами, опредѣляющими важнѣйшія его права и обязанности. Если я, выходя на улицу, не знаю, имѣю ли я право громко разговаривать, смѣю ли я обратиться къ городовому за разъясненіями, не обязанъ ли я снять шапку передъ проѣзжающимъ полицеймейстеромъ; если мнѣ неизвѣстны условія, при которыхъ судебный слѣдователь можетъ арестовать меня, и мѣры, какія онъ можетъ принять по отношенію ко мнѣ; если я остаюсь въ неизвѣстности, законно ли и въ должномъ ли размѣрѣ взыскивается съ меня налогъ,—вообще говоря, если я неувѣренъ относительно каждаго моего шага, согласенъ ли онъ съ закономъ или нѣтъ, то у меня можетъ явиться страхъ передъ закономъ, но не уваженіе къ нему. Поэтому то

распространеніе элементарныхъ юридическихъ знаній въ обществѣ чрезвычайно важно для укрѣпленія въ гражданахъ чувства законности. Вотъ почему въ высшей степени желательно, чтобы со среднимъ образованіемъ соединялось и юридическое, какъ важный элементъ общаго. Каждому, получающему среднее образованіе, такъ же важно знать горы, рѣки, города Россіи, количество населенія и состояніе промышленности, какъ и тѣ законы, которые дѣйствуютъ въ этой странѣ. Но, конечно, примѣняясь къ цѣли преподаванія, ознакомленіе съ законами не должно быть построено на какой либо научной системѣ, какъ это имѣетъ мѣсто на юридическихъ факультетахъ—оно должно быть направлено на доставленіе тѣхъ свѣдѣній, въ которыхъ человѣкъ наиболѣе нуждается, по наибольшей вѣроятности придти въ соприкосновеніе съ закономъ. Немалое воспитательное значеніе въ томъ же направленіи имѣетъ призваніе гражданъ къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя, что даетъ возможность стать лицомъ къ лицу съ закономъ въ его примѣненіи.

Помимо этого элементарнаго юридическаго образованія, развитію и укрѣпленію чувства законности способствуетъ возможность для каждаго гражданина познакомиться съ дѣйствующимъ законодательствомъ въ подлинникѣ. Для этого законы должны быть по возможности немногочисленны и изложены общедоступнымъ языкомъ, безъ спеціальной терминологіи и безъ чрезмѣрныхъ обобщеній, доступныхъ только получившему спеціальную подготовку. Каждый гражданинъ, не осиливая всего законодательства, долженъ имѣть возможность, если пожелаетъ, отыскать въ законахъ то, что его ближайшимъ образомъ интересуетъ. Къ сожалѣнію, съ этой стороны мы находимся въ самомъ отчаянномъ положеніи. Наше законодательство состоитъ изъ 16 томовъ, въ которыхъ матеріалъ изложенъ въ видѣ наслоенной различныхъ формацій, такъ что на тексты лезутъ приложения, на приложения примѣчанія, на примѣчанія опять приложения. Усвоить этотъ матеріалъ, даже разобраться въ немъ не могутъ профессиональные юристы, какъ теоретики, такъ и практики. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще и то обстоятельство, что до сихъ поръ не выяснено, не имѣетъ ли силы дѣйствующей, рядомъ со Сводомъ Законовъ, и Полное Собраніе Законовъ, т. е. бібліотека въ 100 слишкомъ фолиантовъ.

При такомъ положеніи дѣль насмѣшкою звучить ст. 62 нашихъ основныхъ законовъ, которая гласить, что никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона. Оно приводитъ къ зависимости гражданъ отъ сословія юристовъ, которые не только лучше другихъ знаютъ законы, какъ это и должно бы быть, но которые одни сколько нибудь знаютъ законы, какъ это не должно бы быть. Если гражданинъ за каждымъ вопросомъ долженъ обращаться къ специалисту-юристу, если онъ будетъ довѣрять его искусству, а не слову закона, то какимъ образомъ разовьется у него чувство законности? Очевидно, состояніе нашего законодательства, дѣлающее невозможнымъ и неосуществимымъ желаніе гражданина ознакомиться съ нимъ, должно быть признано ненормальнымъ. Огромный объемъ его объясняется не сложностью бытовыхъ отношеній, которыя требуютъ многочисленныхъ опредѣленій, а слабостью законодательной техники. Содержаніе нашего Свода Законовъ, положеннаго подъ хорошій прессъ, могло бы отлично помѣститься въ 2—3 томахъ, безъ внесенія сколько нибудь существеннаго измѣненія въ дѣйствующее право. Это приведеніе въ порядокъ Свода Законовъ и должно бы быть первымъ шагомъ на пути дальнѣйшаго развитія русскаго законодательства.

Я пытался опредѣлить понятіе о чувствѣ законности и уяснить условія, благопріятствующія его развитію. Обратимся теперь къ его значенію въ жизни.

Чувство законности выражается въ двухъ формахъ: 1) не нарушай чужого права и 2) не допускай нарушенія твоего права. Первая формула, запрещающая пользоваться обстоятельствами, когда они благопріятствуютъ возможности нарушить безнаказанно чужое право, т. е. кругъ интересовъ, охраненныхъ закономъ,—слишкомъ совпадаетъ съ общепризнанными нравственными воззрѣніями, чтобы требовалось ее доказывать. Я обращаю Ваше вниманіе только на то обстоятельство, что воздержаніе отъ нарушенія чужихъ правъ, когда оно обусловливается простымъ расчетомъ, опасеніемъ невыгодныхъ послѣдствій со стороны закона, не имѣетъ прямого отношенія къ чувству законности. Такое воздержаніе, хотя бы и послѣ значительныхъ колебаній, проявляютъ лица, совершенно лишеныя чувства законности, потому только, что боятся наказанія. Указанная формула имѣетъ мѣсто тогда, когда че-

ловѣкъ не рѣшается нарушать чужое право, хотя имѣется большая вѣроятность, а можетъ быть и полная увѣренность въ томъ, что такое нарушеніе пройдетъ безнаказаннымъ. Человѣкъ, одаренный чувствомъ законности, воздерживается отъ соблазнительнаго для него нарушенія закона не потому, что боится закона, а потому что привыкъ всегда сообразовать свои дѣйствія съ неприкосновенностью чужихъ законныхъ интересовъ.

Если первая формула чувства законности безспорна, то вторая формула: „не допускай нарушенія твоего права“, представляется намъ на первый взглядъ сомнительною. Повидимому нравственный императивъ долженъ побуждать меня оставить безъ послѣдствій нарушеніе моего собственнаго права, въ которомъ затрогиваются мои интересы. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого весьма распространеннаго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, неужели общество предоставило Вамъ права, охранило законными средствами Ваши интересы только ради Васъ самихъ? Это было бы наивное предположеніе. Общество вырабатываетъ правила поведенія и средства ихъ охраненія, конечно, ради себя самого, ради поддержанія и развитія того цѣлаго, въ которомъ тонуть разрозненные интересы составляющихъ его единицъ. Непонятно, для чего стало бы общество вырабатывать правила, его самого не интересующія? Во всѣхъ социальныхъ нормахъ, юридическихъ, нравственныхъ, даже въ нормахъ приличія, есть общественный интересъ. Каждому изъ насъ предоставлены права, съ которыми тѣсно связаны интересы общества. Представимъ себѣ мысленно крайность— что всѣ, подчиняясь принципу непротивленія злу, отказываются отъ защиты своихъ правъ: подъ именемъ всѣхъ должно понимать въ данномъ случаѣ людей нравственныхъ, которые руководятся въ жизни указаннымъ выше нравственнымъ принципомъ. Этимъ было бы открыто широкое поле для недобросовѣстныхъ людей, для которыхъ указанный принципъ не служитъ руководящимъ началомъ. Собственность перешла бы въ руки этихъ людей, власть сосредоточилась бы въ ихъ лицѣ, а нравственныхъ людей превратили бы въ рабовъ. Другими словами, настало бы такое положеніе дѣлъ, противъ котораго борется долгіе годы, цѣлыя столѣтія общество въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Мы, конечно, преувеличили возможные результаты пренебреженія защитой своихъ

правъ. Но то, что невѣроятно въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, возможно и дѣйствительно наблюдается въ меньшемъ объемѣ. Позволяя безнаказанно занять часть моей территории, я разрушаю въ виновникѣ представленіе о законности, я ввожу его въ соблазнъ и наталкиваю на мысль о возможности такого же безнаказаннаго вторженія въ территорию другихъ лицъ.

Между тѣмъ мы часто виновны въ этомъ проступкѣ передъ обществомъ изъ лѣни, изъ ложнаго опасенія, что насъ обвинятъ въ сутяжничествѣ, въ мелочности, въ эгоизмѣ. Я ожидалъ подарка, который долженъ былъ придти грузомъ по желѣзной дорогѣ. Разсчитавъ время, когда вещь должна была прибыть, я отправился на станцію и навелъ справку. Мнѣ сказали, что грузъ еще не пришелъ и даже дали въ томъ удостовѣреніе. Прихожу черезъ день и мнѣ заявляютъ, что грузъ полученъ уже недѣлю тому назадъ, но какъ то затерялся между ящиками. На мое требованіе или, лучше сказать, просьбу выдать мнѣ грузъ, я получилъ отвѣтъ, что сейчасъ выдадутъ, если только я заплачу за пожегальное 50 копѣекъ. „Позвольте, сказалъ я, вѣдь не по моей винѣ грузъ до сихъ поръ не былъ выданъ“. „Все равно-сь, отвѣчали мнѣ, но такъ какъ грузъ не былъ полученъ черезъ нѣсколько дней по прибытіи, то мы по книгамъ должны записать его съ пожегалымъ“. Я видѣлъ, что я правъ, что желѣзная дорога сама виновата и просто залѣзаетъ въ мой карманъ. Но съ другой стороны мнѣ такъ интересно было увидѣть поскорѣ присланный подарокъ, а 50 коп. такая небольшая сумма, что я рѣшилъ, какъ говорятъ, „не связываться“ и уплатилъ штрафъ за чужую вину, лишь бы избавить себя отъ непріятностей. Я поступилъ малодушно и внушилъ желѣзно-дорожной администраціи надежду встрѣтить еще много такихъ трусовъ, которые, ради собственнаго спокойствія, охотно примутъ на себя убытки дороги. Вскорѣ послѣ этого случая мой хорошій знакомый, купецъ, отправилъ въ Петербургъ цѣлый вагонъ груза, который, по небрежности желѣзной дороги, попалъ въ Варшаву и когда обнаружилась ошибка, то желѣзная дорога, вмѣсто того, чтобы предложить купцу вознагражденіе за убытки отъ просрочки, потребовала съ него платежа за тѣ версты, которые грузъ излишне пробѣжалъ. Сопоставляя эти два случая, я легко могъ придти къ заключенію, что между ними

есть причинная связь и что отчасти, если не всецѣло, я виновникъ той развязности, съ которою желѣзная дорога приѣхала моего добраго знакомаго.

Чувство законности побуждаетъ поступать согласно закону, т. е. общему правилу, не взирая на конкретныя условія его примѣненія. Положимъ, Вы одобряете законъ и, соблюдая его въ жизни, никогда не сомнѣвались въ его цѣлесообразности и справедливости. Но вотъ передъ Вами случай, который впервые возбуждаетъ сомнѣніе въ справедливости закона, потому что его примѣненіе на этотъ разъ приводитъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Должно ли соблюсти законъ или отступить отъ него для даннаго только случая? Чувство законности подскажетъ Вамъ, что законъ долженъ быть соблюденъ. Я предвижу Ваше замѣчаніе: это формализмъ, это слѣдованіе бездушнымъ нормамъ, которыя бьютъ направо и налево, не разбирая ни праваго, ни виноватаго. Если чувство законности приводитъ къ торжеству несправедливости—оно зло, а не благо.

Однако цѣлесообразность каждаго правила опредѣляется пригодностью его къ громадному большинству случаевъ, хотя въ нѣкоторыхъ, сравнительно немногочисленныхъ, случаяхъ, оно окажется даже въ противорѣчii со своею цѣлью. Нѣтъ правила безусловно пригоднаго ко всемъ случаямъ, ни нравственнаго правила, ни юридическаго. Оцѣнка всякаго правила обуславливается тѣмъ, перевѣшиваетъ ли ожидаемая польза возможный вредъ его приложенія или наоборотъ. Возьмемъ напр. наши законы, которые опредѣляютъ имущественныя отношенія между супругами. Мы хвалимся этою системою передъ нѣмцами и французами, которые установили инныя системы. Мы находимъ вполне справедливою ту имущественную самостоятельность, въ которую поставлена у насъ замужняя женщина, видимъ въ этой системѣ обеспеченность интересовъ женщины, которые легко могли бы пострадать при зависимости ея отъ мужа. Но развѣ нѣтъ и темныхъ сторонъ въ этой системѣ? Развѣ не найдутся случаи, при которыхъ эта система поразитъ насъ своею несправедливостью? Я возьму одинъ примѣръ изъ судебной практики, слѣдовательно прямо изъ жизни. Мужъ всю жизнь работалъ на жену, давая ей возможность щеголять нарядами и пользоваться всеми удовольствіями, но наконецъ

напорвалъ непосильнымъ трудомъ свои силы и заболѣлъ. Какъ разъ въ это время жена, не имѣвшая до сихъ поръ ничего, получаетъ богатое наслѣдство. Она переселяется на другую квартиру, живетъ въ роскоши, а мужу отказываетъ въ какой либо помощи. Я увѣренъ, что этотъ случай оскорбляетъ Ваше чувство справедливости. Не менѣе возмутительнымъ покажется и тотъ случай, когда банкиръ, пользуясь системою раздѣльности имуществъ, успѣваетъ укрѣпить свое состояніе за женою и оставляетъ неудовлетворенными несчастныхъ вкладчиковъ. Но слѣдуетъ ли изъ указанныхъ примѣровъ, что для этихъ случаевъ нужно и можно было сдѣлать отступленіе отъ общаго порядка и предоставить мужу, а значить и его кредиторамъ, право на имущество жены? Нѣтъ, если мы признали правильною систему раздѣльности имуществъ и одобрили законъ, утвердившій ее, то законъ этотъ долженъ быть соблюдаемъ безусловно, хотя бы въ отдѣльныхъ случаяхъ его примѣненія онъ и приводилъ къ нарушенію справедливости. Мы признаемъ необходимость права собственности на землю. Но вотъ передъ нашими глазами предстаетъ слѣдующій случай. Строился огромный заводъ и по ошибкѣ межевого плана или по недосмотру заводчика при постройкѣ занялъ одинъ аршинъ чужой земли. Сосѣдъ молчалъ, пока не закончилась постройка и тогда потребовалъ или „подвинуться“ или уплатить 75.000 рублей за одинъ аршинъ земли. Наше чувство возмущается такимъ осуществленіемъ права и мы кричимъ (это и дѣйствительно слышится), что въ такомъ случаѣ необходимо ограничить произволъ собственника, необходимо вознаградить его не по его усмотрѣнію, а по оцѣнкѣ. Тогда обратимся къ другому конкретному примѣру. Рядомъ съ громаднымъ дворцомъ разбогатѣвшаго подрядчика пріютился небольшой домъ особнякъ съ садомъ, принадлежащій лицу, которому онъ достался по наслѣдству отъ родителей, въ которомъ онъ родился и выросъ и который онъ не соглашался уступить ни за что своему богатому сосѣду, желавшему расширить свои владѣнія. Тогда послѣдній, пользуясь временнымъ отсутствіемъ сосѣда, застраиваетъ его садъ и когда тотъ, возвратившись, требуетъ снести постройки, онъ предлагаетъ ему вознагражденіе по оцѣнкѣ. Очевидно конкретная точка зрѣнія не дастъ намъ оцѣнки нормы.

Сдѣлаемъ еще шагъ дальше. Я привелъ законъ, который находитъ полное сочувствіе въ правосознаніи русскаго общества. Но встрѣчается не мало такихъ законовъ, которые не встрѣчаютъ въ принципѣ такого сочувствія, напр. различіе наслѣдственныхъ долей для сыновей и дочерей. Тѣмъ не менѣе и такой законъ долженъ быть соблюдаемъ. Чувство законности позволяетъ и даже поощряетъ критическое отношеніе къ законамъ, взвѣшиваніе ихъ относительнаго достоинства и недостатковъ; оно одобритъ, если Вы приложите все Ваше общественное вліяніе къ отмѣнѣ несправедливаго и введенію новаго справедливаго закона. Но чувство законности требуетъ отъ всѣхъ и каждаго безусловнаго примѣненія установленныхъ законовъ, безъ критики ихъ годности въ каждомъ частномъ случаѣ. Я нахожу законъ несправедливымъ—я готовъ и обязанъ все сдѣлать, чтобы способствовать его измѣненію, но я и не подумаю отступить отъ него потому только, что мнѣ кажется несправедливымъ его дѣйствіе при данныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ.

Многимъ представляется желательнымъ, для предупрежденія подобныхъ столкновеній со справедливостью, оставить въ сторонѣ общія правила и рѣшать каждое дѣло примѣнительно къ конкретнымъ обстоятельствамъ. Въ публикѣ нерѣдко слышатся пожеланія, чтобы каждое дѣло рѣшалось по справедливости, а не по буквѣ закона. Но призывать на смѣну чувства законности чувство справедливости довольно опасно. Законъ устанавливаетъ общее правило поведенія, рассчитанное на неопредѣленное число сходныхъ случаевъ. Справедливость же есть представленіе о томъ, какими правилами должно бы опредѣляться поведеніе. Мы не говоримъ, что судебное рѣшеніе несправедливо, когда оно основано на точномъ смыслѣ закона; но называя законъ несправедливымъ, мы выражаемъ ту мысль, что не это, а иное правило должно бы опредѣлять поведеніе людей. Въ этомъ отношеніи справедливость противоплагается какъ положительному праву, такъ и положительной морали. Однако, что одному кажется справедливымъ, то другому представляется вопіющимъ нарушеніемъ правды и наоборотъ. Если вмѣсто опредѣленныхъ правилъ мы подставимъ справедливость, то, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это будетъ и хорошо, въ другихъ же это будетъ ужасно. Замѣна закона справедливостью, уничтожая порядокъ и правильность, внесла

бы полную неопредѣленность въ человѣческія отношенія. Какъ напр. распредѣлилось бы наслѣдство между дѣтьми, если бы былъ устраненъ нынѣ дѣйствующій законъ, который по общему мнѣнію считается несправедливымъ? Одинъ судъ раздѣлилъ бы все наслѣдство поровну между всѣми дѣтьми, какъ равно близкими родительскому сердцу; другой судъ вошелъ бы въ изслѣдованіе, каковы были отношенія между родителями и дѣтьми и далъ бы больше тѣмъ, которыя оказывали почтеніе и поддерживали старость отца или матери, а нѣкоторыхъ, можетъ быть, и вовсе исключилъ бы за неблагодарность; третій судъ отдалъ бы все наслѣдство дочерямъ, въ виду того, что сыновья, которымъ открыты всѣ пути, могутъ сами заработать необходимыя средства; четвертый судъ наоборотъ исключилъ бы изъ наслѣдства дочерей, какъ уже обезпеченныхъ замужествомъ; пятый судъ, когда ему пришлось бы дѣлить большое торговое предпріятіе или малый клочекъ земли, отдалъ бы все одному, наиболѣе способному и трудолюбивому, въ виду того, что раздробленіе подобныхъ хозяйствъ гибельно, а совмѣстное хозяйство неосуществимо. Какъ ни плохъ нынѣшній наслѣдственный порядокъ, все же онъ лучше, чѣмъ такой хаосъ.

Несимпатичное отношеніе общества къ безусловному соблюденію закона выражается въ презрительномъ обозначеніи такого направленія формализмомъ. Мы называемъ формализмомъ человѣка неуклонно слѣдующаго общимъ правиламъ, не отступающаго отъ нихъ даже въ мелочахъ, мы не сочувствуемъ судебнымъ рѣшеніямъ, основаннымъ на строгомъ соблюденіи закона, мы не долюбиваемъ гражданскій судъ, основанный на формальной правдѣ. Въ газетахъ нерѣдко, въ видѣ курьезовъ, описываются случаи копѣчной переписки различныхъ учрежденій между собою или съ частными лицами. А между тѣмъ это вовсе не смѣшно,—это неизбежно, необходимо. Представимъ себѣ, что мнѣ слѣдовало внести въ казенное учрежденіе 50 рублей 20 копѣекъ. Я прислалъ 50 рублей 15 коп., можетъ быть, случайно принявъ 15 коп. за 20, а можетъ быть и намѣренно, въ расчетѣ, что ошибку не замѣтятъ. Что долженъ сдѣлать чиновникъ, принявшій присланныя по почтѣ деньги? Можетъ быть, мы посоветуемъ чиновнику самому внести отъ себя недостающій пятакъ? Но почему бѣдный чиновникъ долженъ вносить изъ своего скром-

наго жалованія за богатаго плательщика? Учрежденіе не можетъ удовольствоваться полученною суммою, потому что другой плательщикъ заявитъ претензію, отчего съ него берутъ 5 коп. больше, чѣмъ съ перваго. Не слѣдуетъ забывать, что милліоны государственнаго казначейства въ значительной своей части образуются именно изъ пяточковъ, а не изъ рублей. Если всѣ казенныя учрежденія стануть пренебрегать мелкими недочетами, то образуется большой недочетъ въ государственномъ бюджетѣ, который всею тяжестью ляжетъ на бѣдныхъ плательщиковъ. Да и гдѣ граница между мелкими недоплатами, изъ за которыхъ не стоитъ поднимать переписки, и крупными недоборами? Не смѣяться поэтому нужно надъ подобными случаями, а радоваться, такъ какъ такимъ путемъ поддерживается чувство законности въ гражданахъ и обезпечиваются наши интересы средствами, незамѣтными для невооруженнаго глаза. Но, скажутъ, бумага, потраченная на переписку, стоитъ дороже 5 коп. и слѣдовательно формализмъ доводитъ до убытковъ для казны. Это, конечно, вѣрно, но законность стоитъ еще дороже и для нея не жалко пожертвовать не только этими почтовыми расходами, но тысячами, если бы они пондобились. Не жалбеть же государству милліоновъ рублей и крови своихъ гражданъ для обезпеченія своей внѣшней безопасности въ случаѣ самыхъ мелочныхъ посягательствъ на него со стороны другихъ государствъ. Внутренній порядокъ стоитъ внѣшней безопасности.

Мы склонны также обвинять судъ, когда его рѣшеніе, выражая формальную правду, расходится съ матеріальной правдой. Возьмемъ примѣръ. Я далъ своему пріятелю деньги взаймы при многихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ былъ даже судья, причемъ я не считъ нужнымъ облекать заемъ въ письменную форму, вполне довѣряя добросовѣстности должника. Однако, вопреки ожиданіямъ, пріятель отказывается отъ долга. Я обращаюсь въ судъ, привожу свидѣтелей съ собою, ссылаюсь на сидящаго за столомъ судью... и тѣмъ не менѣе судъ отказываетъ мнѣ въ искѣ, потому что заемъ доказывать свидѣтелями нельзя. Я негодую на формализмъ суда, а со мною вмѣстѣ и мои знакомые. Но мы слишкомъ поддались впечатлѣнію, созданному конкретною обстановкою даннаго случая. Представимъ себѣ, что было бы, если бы суды, не стѣсняясь закономъ, присуждали по займамъ, не подкрѣплен-

нымъ документально. Кто изъ насъ могъ бы быть гарантированъ, что любой мошенникъ, пообравъ „достоверныхъ“ свидѣтелей, не заставитъ насъ платить долги, въ которыхъ мы совершенно не повинны. Осуждая судебный формализмъ и негодуя на рѣшеніе суда, который, основываясь на буквальномъ смыслѣ договора, допускаетъ Шейлока вырѣзать фунтъ мяса у своего должника, мы забываемъ, что тотъ же формализмъ спасаетъ жизнь Антонио.

Случаи столкновения справедливыхъ законовъ съ несправедливостью отдѣльныхъ случаевъ ихъ примѣненія постепенно уменьшаются благодаря усовершенствованію законодательной техники. При составленіи новѣйшихъ законовъ стараются формулировать ихъ положенія такъ, чтобы доставить суду, возможность, не выходя изъ предѣловъ правила, принять въ соображеніе индивидуальность случаевъ его примѣненія. Довольно распространенное мнѣніе, будто формализмъ законодательства все болѣе возрастаетъ и право все чаще расходится съ правдой, совершенно ложно и стоитъ въ явномъ противорѣчьи съ исторіей. Нигдѣ формализмъ не процвѣтаетъ такъ, какъ на первоначальныхъ ступеняхъ правового развитія. Въ древне-римскомъ правѣ истецъ, домогавшійся вознагражденія за порубку виноградныхъ лозъ, проигрывалъ дѣло потому только, что употребилъ выраженіе „лозы“, тогда какъ законъ предусматривалъ порубку деревьевъ. Въ древне-германскомъ правѣ приводимые въ доказательство права свидѣтели должны были съ точностью давать согласныя показанія: незначительное уклоненіе и разногласіе могло погубить дѣло. Въ подтвержденіе высказанной мысли достаточно указать на господствовавшую у насъ недавно, а теперь немыслимую, формальную теорію доказательствъ, которая признавала показанія двухъ свидѣтелей совершеннымъ доказательствомъ, а одного несовершеннымъ, при разногласіи основывалась не на убѣдительности показаній, а на большинствѣ голосовъ, отдавала преимущество показанію мужчины передъ показаніемъ женщины, знатнаго передъ незнатнымъ, ученаго передъ неученымъ, духовнаго передъ свѣтскимъ.

Опасность отступленія отъ законныхъ правилъ ради какихъ либо соображеній заключается въ возможности разрушенія той привычки, которая создаетъ чувство законности. Каждому изъ жизни извѣстно, что стоитъ нарушить привычный

образъ дѣйствій два или три раза, какъ самая привычка колеблется, а при дальнѣйшемъ повтореніи нарушеній можетъ и совершенно исчезнуть. Профессоръ или студентъ, привыкшіе одинъ читать, а другой слушать лекціи безъ пропусковъ, будутъ чувствовать себя очень пеловко, когда встрѣтится необходимость пропустить лекцію по причинѣ легкаго нездоровья или по домашнимъ обстоятельствамъ. Но какъ только сдѣлано нѣсколько пропусковъ—дальше дѣло идетъ какъ по маслу: если основательныхъ причинъ нѣтъ, то будутъ найдены предлоги. Точно также и съ законностью. Тамъ, гдѣ человекъ шель твердо, не задумываясь, онъ начнетъ сомнѣваться, колебаться и въ концѣ концовъ потеряетъ равновѣсіе. Нужно имѣть большой умъ и громадную энергію, чтобы самостоятельно находить выходъ: большинство идетъ по проложеннымъ ранѣе путямъ, т. е. по установленнымъ нормамъ, и въ этомъ спасеніе общества. Такъ какъ соблюденіе закона по инерціи есть область чувства, а не разума, а на массу легче дѣйствовать чувствомъ, чѣмъ логикою, то слѣдуетъ особенно дорожить развитіемъ и укрѣпленіемъ чувства законности въ толпѣ. Оно дисциплинируетъ общество и лучше всякихъ иныхъ средствъ обезпечиваетъ неприкосновенность личности и имущества каждаго.

Воспитанная на чувствѣ законности толпа внушительна, но не опасна, лишенная же ея подобна лавинѣ, которая готова все снести, какъ только устранится препятствіе. Посмотрите на тщетныя усилія нашихъ городскихъ возстановить порядокъ въ уличной ѣздѣ и посмотрите замѣчательную картину, какъ парижскій сержантъ на самыхъ многолюдныхъ улицахъ однимъ маніемъ руки останавливаетъ все уличное движеніе, чтобы дать пройти маленькой дѣвочкѣ. Я видѣлъ парижское населеніе, праздновавшее 14 іюля, день взятія Бастиліи,—шумъ, веселье, толпы гуляющихъ, пѣсни, крики весь день—и ни одного сломаннаго ребра, ни одной сбитой шапки. Скажу болѣе—въ этотъ день съ утра до вечера я не видѣлъ ни одного полицейскаго—толпа была предоставлена самой себѣ. Я видѣлъ въ Миланѣ толпу, собравшуюся съ демонстративными намѣреніями, направленными противъ бывшаго тогда министромъ Криспи. Толпа была грозная по крикамъ, по многочисленности, по единству одушевлявшихъ ее чувствъ и въ то же время совершенно мирная по дѣйствіямъ;

я, посторонній наблюдатель, чувствовалъ себя совершенно безопаснымъ вблизи этой толпы. И я не могу вспомнить безъ страха нашу казанскую толпу, ничтожную сравнительно по численности, когда она праздновала день взятія Плевны! Какъ рѣзко поражаетъ за границею содержаніе садовыхъ надписей послѣ грозныхъ предупрежденій, угрожающихъ привлеченіемъ къ отвѣтственности, какія всюду прибиты къ столбамъ въ садахъ Россіи. Заграницею значитъ только, что неприкосновенность сада поручается вниманію самой публики и несомнѣнно, что заграничная публика лучше досмотритъ за цвѣтами и травой, нежели наши садовники и полицейскіе. Таковъ результатъ различія въ степени чувства законности, свойственнаго разнымъ народамъ.

Особенно опаснымъ для чувства законности является стремленіе судовъ стать на точку зрѣнія справедливости и цѣлесообразности, вмѣсто строгаго примѣненія закона. Къ сожалѣнію, эта тенденція замѣчается въ практикѣ нашихъ судовъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, и можно опасаться, что тотъ новый духъ, который внесли новые суды въ жизнь, будетъ парализованъ подрывомъ чувства законности въ обществѣ, чего можно ожидать отъ указанной точки зрѣнія. Слова „правда и милость“, которыми были напутствованы новые суды, были поняты именно въ смыслъ справедливости, смѣняющей формализмъ, тогда какъ въ дѣйствительности они означали законность и неподкупность, идущія на смѣну произволу и взяточничеству.

Примѣровъ, когда наши суды обращаются къ справедливости и цѣлесообразности и замѣняютъ ими законъ, можно было бы набрать очень много. Ограничимся нѣсколькими. Изъ ряда постановленій нашего законодательства слѣдуетъ, что собственникъ вправе отыскивать свою вещь, у кого бы она не находилась. Практика судебная и не сомнѣвалась въ этомъ положеніи. Но вотъ на разсмотрѣніе суда ставится вопросъ о возможности для собственника отыскивать принадлежавшую ему бумагу на предъявителя, которая попала къ добросовѣстному пріобрѣтателю, не знавшему, что у продавца нѣтъ права собственности. Казалось бы, что бумага на предъявителя также вещь и такъ какъ для нея никакихъ исключеній не сдѣлано, то и на этотъ родъ вещей должно распространяться общее правило. Но судебная практика устранила его примѣненіе въ данномъ

случаѣ по соображенію пѣлесообразности. „Бумаги на предъявителя существенно отличаются отъ другихъ родовъ движимаго имущества. Предназначенныя къ постоянному и свободно обращенію изъ однѣхъ рукъ въ другія, расходясь въ громадномъ числѣ экземпляровъ, совершенно однородныхъ по формѣ, онѣ представляютъ особый видъ имущества, болѣе всего приближаясь къ денежнымъ знакамъ, и потому къ нимъ не могутъ быть примѣнены общія правила объ имуществахъ движимыхъ“. (рѣш. гражд. кас. деп. 1885, № 27). Сенатъ упустилъ изъ виду, что непримѣнимость общихъ правилъ могла бы быть основана на особыхъ правилахъ законодательства, а не на отличительныхъ признакахъ бумагъ на предъявителя. Очевидно, указанная особенность послѣднихъ должна бы заставить законодателя измѣнить общія правила, а сенатъ призналъ возможнымъ и безъ законодателя, въ интересахъ оборота, устранить въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненіе дѣйствующихъ еще правилъ. Въ практикѣ уголовного кассационнаго департамента возникъ слѣдующій вопросъ: дозволенное для литературныхъ христоматій заимствованіе изъ чужихъ произведеній возможно ли и для музыкальныхъ христоматій, о которыхъ законъ ничего не говоритъ, или оно должно почитаться контрафакціей. Казалось бы, если законъ не дѣлаетъ для музыкальныхъ христоматій исключеніе, какое онъ дѣлаетъ для литературныхъ христоматій, то мы должны были бы признать что подобное заимствованіе изъ чужихъ произведеній недопустимо безъ разрѣшенія автора. То обстоятельство, что во время изданія закона (1845 г.) не существовало еще музыкальныхъ христоматій, не имѣетъ никакого отношенія къ настоящему вопросу. Между тѣмъ сенатъ разсуждаетъ такъ. „Необходимо признать, что если такіе сборники (музыкальныя христоматіи) имѣютъ право на существованіе (?), то для возможности ихъ появленія въ свѣтъ необходима та же защита, какая оказывается составителямъ христоматій литературныхъ. Что касается права на существованіе подобныхъ изданій, то вопросъ о необходимости и, во всякомъ случаѣ, о полезности ихъ, въ качествѣ пособія при музыкальномъ преподаваніи, вообще не возбуждается (!) и къ утвердительному рѣшенію его не можетъ быть никакихъ сомнѣній“. Допустимость же распространить защиту, оказываемую литературнымъ христоматіямъ, на музыкальныя, сенатъ выводитъ „изъ невозможности приписывать

законодателю намѣренія оставить учебныя изданія въ области музыки безъ того покровительства, которое законъ оказываетъ учебнымъ изданіямъ по общему преподаванію“ (рѣш. угол. кассац. деп. 1896, № 30). Итакъ музыкальныя хрестоматіи полезны, а слѣдовательно для нихъ допустимы заимствованія изъ чужихъ произведеній. Такъ могъ бы разсуждать законодатель передъ установленіемъ новыхъ нормъ. Но это разсуждаетъ судъ, призванный примѣнять только дѣйствующее право. Третій примѣръ. По договору псаломщикъ Дмитріевъ отдаетъ свою пятилѣтнюю дочь княжнѣ Трубецкой для воспитанія. Княжна сжилась съ пріемною своею дочерью, которая также къ ней привыкла. Но вотъ разражается ударъ: отецъ требуетъ свою дочь обратно къ себѣ. На это ему даютъ право ст. 164, 178 и 179 т. X, ч. 1. Въ данномъ случаѣ однако, примѣняя указанныя статьи и удовлетворяя требованіе отца, приходится разрушить сложившіяся нравственныя отношенія между воспитательницею и воспитанницею, приходится лишитъ дочь хорошаго воспитанія, образованія, всѣхъ условій жизни богатаго дома. И петербургская судебная палата, поддаваясь конкретнымъ условіямъ даннаго случая, становится на точку зрѣнія справедливости, оставляя въ сторонѣ законъ. Не касаясь вопроса о томъ, даетъ ли законъ отцу, въ силу своей родительской власти, право требовать, чтобы дѣти жили при родителяхъ, палата начинаетъ разсуждать о томъ, какими соображеніями руководствовался отецъ, требуя свою дочь, какъ относилась княжна Трубецкая къ своей воспитанницѣ, что теряетъ дочь, оставляя ее домъ и что можетъ ей дать отецъ и въ концѣ концовъ отказываетъ отцу въ искѣ, находя болѣе полезнымъ для дочери пребываніе ея у княжны Трубецкой. А гдѣ же законъ? Нельзя ли на основаніи цѣлесообразности отнять дѣтей у большинства родителей?

Эта тенденція нашихъ судовъ становится на точку зрѣнія цѣлесообразности и справедливости, оставляя въ сторонѣ велѣнія закона, представляется въ высшей степени опасною. Ея вредъ обнаруживается прежде всего въ томъ, что она сглаживаетъ недостатки дѣйствующаго права, дѣлая ихъ мало или вовсе нечувствительными въ отдѣльныхъ случаяхъ. При такой практикѣ можетъ казаться, что все идетъ хорошо и законодателю закрываютъ глаза на дѣйствительность. Недостатки законодательства вмѣсто того, чтобы обнаружиться явно-

на отдѣльныхъ случаяхъ, обращая на себя вниманіе общества, прессы, администраціи, и вызвать соотвѣтствующія времени измѣненія въ законодательствѣ, продолжаютъ существовать, и въ тиши причинять несправедливыя страданія.

Вредное вліяніе указанной практики сказывается далѣе въ томъ, что теряется въ обществѣ всякая увѣренность, какое же право дѣйствуетъ, то ли, которое написано въ законодательствѣ, или же то, которое примѣняютъ суды. При такой тенденціи никто не можетъ знать дѣйствующаго права. Самый глубокій знатокъ законодательства не можетъ дать никакихъ указаній обращающемуся къ нему за совѣтомъ, потому что все зависитъ отъ взгляда суда. Дать указанія можетъ не тотъ, кто знаетъ законы, а тотъ, кто знаетъ судей, ихъ взгляды, направленіе. Въ одномъ судѣ устанавливается одна практика, въ другомъ другая. При перемѣнѣ личнаго суда мѣняется и точка зрѣнія на многіе судебные вопросы.

Не нужно доказывать, насколько такая практика подрываетъ законный порядокъ, насколько она разрушаетъ главную основу послѣдняго—чувство законности населенія.

Такимъ образомъ чувство законности требуетъ безусловнаго соблюденія общихъ правилъ поведенія, установленныхъ закономъ, не взирая на конкретную обстановку даннаго случая. Здѣсь кроется психологическое основаніе несимпатіи русской публики къ юриспруденціи, на что я указалъ въ самомъ началѣ. Русская публика, недостаточно проникнутая чувствомъ законности, смотритъ на все съ точки зрѣнія конкретной, юристъ же смотритъ на то же самое съ точки зрѣнія абстрактной. Первая разбираетъ каждый случай съ точки зрѣнія затронутыхъ и явно обнаруженныхъ здѣсь интересовъ, юристъ же съ точки зрѣнія невидимыхъ общественныхъ интересовъ. Эта конкретная точка зрѣнія, принимающая во вниманіе только замѣтные интересы, чрезвычайно опасна. Почему мы не можемъ смотрѣть спокойно на страданія собаки, которой экипажъ переѣхалъ ногу, и почему въ тоже самое время мы относимся равнодушно къ предсмертнымъ судорогамъ мухи или комара, которыхъ притомъ мы сами ударили? А потому только, что страданія собаки намъ замѣтнѣе, нежели мученія мелкаго насѣкомаго. А вѣдь страдаютъ они одинаково. Охотникъ, который спокойно укладываетъ въ яхташъ еще трепещущихъ бекасовъ или перепелокъ, отворачивается въ смущеніи.

ни отъ раненнаго оленя: это потому, что укорительное выраженіе глазъ умирающаго оленя ему понятнѣе, нежели взгляды птичекъ. Но нельзя же утверждать, что мученія оленя сильнѣе страданій маленькой птицы. Судятъ человѣка, растратившаго на роскошную жизнь казенныя деньги. Передъ нами согбенный ударомъ человѣкъ, занимавшій недавно среди насъ видное общественное положеніе. Онъ сразу посѣдѣлъ и едва въ состояніи отвѣчать взволнованнымъ голосомъ на вопросы предсѣдателя, прокурора, защитника. Не далеко отъ скамьи подсудимыхъ сидитъ семья, совершенно убитая горемъ. Все наше сочувствіе на ихъ сторонѣ и мы желаемъ отъ души оправдательнаго приговора. Но перенесемъ мысленно изъ залы суда въ другое мѣсто, въ деревню, гдѣ собираютъ налоги и недоимки. Сборщики податей уводятъ со двора послѣднюю корову, которая кормила всю семью: хозяйка, заливаясь слезами, обнимаетъ свою кормилицу, дѣти съ ревомъ бѣгутъ за нею, а въ глубинѣ двора, стоитъ понутивъ голову, въ безсильномъ горѣ самъ недоимщикъ. Это достаютъ деньги, которыя казнокрадъ растратитъ со временемъ на богатую обстановку, на лошадей, наряды жены и дочерей. Но какое намъ дѣло до крестьянъ: они далеки отъ насъ и ихъ горе насъ такъ же мало поражаетъ, какъ и страданія мухи или птички, тогда какъ горе подсудимаго у насъ передъ глазами.

Конкретная точка зрѣнія приводитъ именно къ тому сочувственному отношенію къ преступникамъ, которое характеризуетъ русскаго человѣка въ отличіе отъ западно-европейца, и отъ котораго становится неловко потерпѣвшему, этому невольному виновнику страданій подсудимаго. Выражая сочувствіе преступнику, Вы тѣмъ самымъ высказываете порицаніе тому, чье право онъ нарушилъ. Все та же конкретная точка зрѣнія вызываетъ въ русской публикѣ симпатію къ защитнику и несочувствіе къ прокурору. А вѣдь прокуроръ представитель общественныхъ интересовъ, ихъ охранитель и защитникъ. Только непривычка становится на обобщенную точку зрѣнія можетъ породить такой неправильный взглядъ. Недостатокъ обобщенія можетъ быть восполненъ чувствомъ законности, побуждающимъ соблюдать законъ безъ анализа. Но если общество старательно искореняетъ его—оно роетъ само себѣ яму.

Я взялъ на себя неблагоприятную задачу отстаивать передъ Вами юридическую точку зрѣнія, которая съ психологической

стороны выражается въ чувствѣ законности. Я не предаюсь иллюзіи и не воображаю, что мнѣ удалось поколебать въ Васъ тѣ симпатіи и антипатіи, которыя не согласуются съ чувствомъ законности и которыя, конечно, имѣютъ свое историческое оправданіе. Но, если мнѣ удалось заставить Васъ, хотя ненадолго, отнестись критически къ Вашимъ социальнымъ инстинктамъ, я буду считать свою задачу достигнутою, а свой трудъ вознагражденнымъ.

